

“...Оставался Гермоген. Надлежало принудить его дать благословение польскому королю и разослать по земле российской грамоты. <...> Гермоген отвергает прошение. “Тело моё вы можете убить, но душа моя не у вас в руках”. На нём рвут золотые ризы, повергают его в темницу, а он сожалеет только, что отнят из правой руки его крест, которым благословлял он народ стоять за веру и Отечество. Его заковывают в цепи, морят голодом. Он умирает, и последний вздох его была молитва о спасении России. Весть о смерти его течёт из града в град, из веси в весь. Всё больше и больше утверждается в народе согласие, умножается ревность и усердие... И уже не польский царевич возводится малым числом утрашённых бояр на престол, но избирается устами и сердцем всея России младый Михаил, благословенная ветвь от благословенного русского корени...”

Так звучали слова “Рассуждения о любви к Отечеству”, читанного в Петербурге в зале Российской Академии наук ея президентом, адмиралом Александром Семёновичем Шишковым в самом конце зимы 1812 года. Вскоре именно Шишкову предстояло стать автором Высочайших манифестов военного времени. Он возвращался из опалы, вызванной кознями скрытых революционеров и противников династии, сумевших на несколько лет овладеть сознанием молодого императора.

* * *

Таких “взлётов” в судьбе адмирала Александра Семёновича Шишкова (1754–1841), мыслителя, учёного, писателя, военного, было несколько. Жил он долго и пережил несколько поколений. “Оценка этой личности, – писал автор книги о Шишкове, изданной в Санкт-Петербурге в 1880 году, В. Стоюнин, – не сделана беспристрастно ни его современниками, ни потомством. Суждения о нём тех и других довольно разноречивы, хотя почти никто не отказывал ему ни в честности, ни в прямоте”.

* * *

Шишков родился в 1754 году. О детских его годах известно немного. По воспоминаниям его самого, из них вынес он глубокое почитание старины, деяний предков, любовь к природе. Читать он учился, как и все русские дети того времени, по-церковнославянски.

В ранней юности его привезли в северную столицу и отдали в Морской кадетский корпус. В 1771 году гардемарин Александр Шишков был отправлен

в Архангельск. Первое путешествие его было плавание по Белому морю к берегам Лапландии. Особенно поразило юношу северное солнце – огромный шар, восходящий надо всем столь же огромным миром. “Мне казалось, – вспоминал Шишков, – что я смотрю на него глазами Ломоносова и плыву с Петром Великим”.

А далее – путешествие вдоль норвежских берегов... По возвращении в Петербург, уже в водах Балтики, путешествующих постигло кораблекрушение. Множество моряков погибло, погиб и корабль, но сам Шишков вместе с несколькими гардемаринами спасся на обломках, и балтийская волна пригнала их к шведским берегам...

В возрасте восемнадцати лет Александру Шишкову было присвоено звание мичмана, приписан он был к знаменитому “Северному Орлу”... В 1776 году высочайшим приказом велено было провести три тридцатипушечных фрегата – “Павел”, “Григорий” и “Наталья” – из Кронштадта вокруг Европы, по Средиземному морю и затем через Дарданеллы в Чёрное море. И снова – чудесное спасение. У берегов Сицилии ночью фрегат чуть не попал в катастрофу: ещё минута, и он разбился бы о скалы. Удержало его лёгкое движение ветра.

По возвращении в Россию мичман Шишков произведён был в лейтенанты и преподавал морскую тактику в Санкт-Петербургском Морском кадетском корпусе. Именно тогда пристрастился он к сочинительству и, помимо перевода с французского “Морского искусства” и составления трехязычного морского словаря, занялся составлением “Детской библиотеки”, куда вошли отчасти переводы с немецкого, а отчасти – стихи и рассказы самого Шишкова. “Детская библиотека” получила в своё время самое высокое признание, какое могут получить стихи, – многие его стихотворения стали безымянны, их переписывали, заучивали наизусть.

Но началась война со Швецией. Русский флот под командованием адмирала Чичагова, выдвинутый на Балтике, взял на себя защиту северной столицы. В числе русских кораблей находился и фрегат “Святой Николай” под командованием капитана второго ранга Шишкова, разработавшего план удержания неприятеля взаперти в Выборгской губе.

После коронации императора Павла I Александр Семёнович Шишков был произведён в эскадр-майоры, а затем в генерал-адъютанты. Во время военных действий он непосредственно сопровождал императора. А вскоре он сблизился с Александром Васильевичем Суворовым, который, однако, стоял уже у края жизни и смерти. На границе веков, с которою совпало убийство Павла I и восшествие на престол его сына Александра Павловича, адмиралу Шишкову было уже под пятьдесят.

* * *

В неопределённости и неуверенности началось новое царствование. Вокруг молодого императора оказались три группы людей. Хотя такие государственники, как Шишков или Гаврила Романович Державин, и сохраняли при дворе своё влияние, всё больший вес обретали так называемые “теоретики”, образовавшие “негласный” или, как его ещё называли, “интимный комитет”: М. М. Сперанский, В. П. Кочубей, А. Чарторыйский. Член тайного комитета, который занимался разработкой проведения реформ в стране, “теоретик” граф А. П. Строганов (1772–1817), участник французской революции и даже якобинского клуба, был соратником императора Александра в начале его царствования. Самого же Александра воспитывал швейцарец Лагарп (1754–1838), убеждённый республиканец.

Царь и сам мечтал “довести дело” до собственного отказа от престола и перехода к республиканской форме правления. “Свою задачу он видел в том, чтобы привести государство к идеальному порядку силой законной власти и затем от этой власти отказаться добровольно”, – писал Борис Башилов в книге “Александр Первый и его время. Массонство в Царствование Александра I”.

Участвовал ли Александр в заговоре против отца или только знал о нём? В любом случае, это наложило несмываемую печать на него: монарх-антимонархист в первое десятилетие своего царствования, “царственный мистик” (по выражению князя В. В. Барятинского), во второе – умирающий от скорби и (или) уходящий в святое странничество...

“Тайна неба, тайна этих звезд” – такими словами заканчивается поэма Натальи Ганиной “Феодор Кузьмич”. Этой тайне, несомненно, оказался причастен и Александр Семёнович Шишков.

“Теоретики” были только внешним слоем “грибницы”. После гибели императора Павла вновь обрели легальный образ масонские ложи, которые прежде успели распространиться по всей России. В Петербурге их возглавляли А. Ф. Лабзин, И. В. Лопухин, князь А. Н. Голицын. Сразу в несколько лож входил М. М. Сперанский, почти все “теоретики”. Потянулась и часть духовенства – та, что более радела о “единстве всех христиан” (предшественники современного экуменизма), нежели о отеческом Предании...

Своего рода “мостом” между духовенством и масонами был именно Сперанский, сам выходец из духовного сословия, сын священника.

Князь-анархист П. А. Кропоткин позже писал, что царствование Александра I – золотой век русского масонства. А Б. Башилов рассказывает, что уже в 1800 году была открыта в Санкт-Петербурге ложа “Умиравший Сфинкс”. Вся работа проводилась в глубокой тайне. Высшие руководители ордена членам ложи были неизвестны. Исполнителем их воли считался А. Ф. Лабзин, который объединил особо увлекавшихся масонской мистикой членов ложи для изучения “теоретической степени Соломоновых наук”. В 1804 году начал издаваться масонский журнал “Сионский вестник”.

В 1805 году “осмотрительный, благоразумный и великомудрый” масон И. В. Вебер создал ложу “Александр. Благотворительность к коронованному Великому”. Масон А. А. Сергеев в июне 1809 года создал ложу “Елизаветы к добродетели”.

В 1809 году “по инициативе Сперанского” состоялся вызов в Петербургскую Духовную Академию известного И. А. Фесслера. Приезд его отмечен был “как начало господства мистицизма в России”, – указывает П. Знаменский в “Руководстве к русской церковной истории” (Казань, 1886 год).

Масонами французского направления в марте 1809 года была открыта ложа “Палестина” (граф М. Ю. Вильегорский).

Развивали свою деятельность и представители наиболее революционного масонского ордена иллюминатов. С 1807 до 1810 года в Петербурге существовала ложа иллюминатов, по некоторым сведениям называвшаяся “Полярная звезда”. Во главе её стоял Фесслер, его заместителем стал сам Сперанский.

Масонское движение само по себе изначально неоднородно. “Вольные каменщики” и “гульярды” Средневековья, в основном, во Франции – это носители языческих дохристианских традиций, принявшие политическую и идеологическую власть Римской Церкви и, в свою очередь, терпимые ею. Они занимались строительством соборов, в основном готических. Чуть позже в Англии возникает “хирамическое масонство”, основанное уже на библейской традиции, толкуемой, однако, в конечном счёте, антихристиански (собственно евангельская история подменена историей убийства и не воскресения мастера Хирама). Окончательно хирамическое масонство оформляется с появлением Конституций Андерсона 1723 года. Разумеется, это внешне-официальное толкование, и мы понимаем, что данитские (из колена Данова) династии Британии и Северной Европы боролись за интересы своих кланов всегда. В XVIII веке французское масонство становится на решительно антимонархические позиции, а британское вполне сливается с Ганноверским Домом (будущие Виндзоры). Но в отношении монархии в остальном мире “два масонства” едины, и они действуют вместе. В таком виде они приходят и в Россию.

Шишков уже тогда при встречах с государем говорил ему о вреде масонства, но... В 1802 году знаменитый адмирал, ставший уже членом Российской Академии, подал в отставку. С этого времени и вплоть до войны 1812 года он целиком отдаётся занятиям русской словесностью.

* * *

В 1803 году появляется книга Шишкова “Рассуждение о старом и новом слоге русского языка”. Он говорил, что эта книга была продолжением широко известного в то время сочинения Ломоносова “Предисловие о пользе книг церковных в российском языке”, написанного ещё в 1758 году.

Язык, – утверждает Шишков, – основа жизни народа. Ломка языка – это ломка и быта, и устоев, и государственности. “Кому, – писал Шишков, – приходило в голову с плодоносной земли благоустроенный дом свой переносить?”

на бесплодную болотистую почву?” А язык россиян весь пронизан заимствованиями. Например, мы говорим: *влияние на умы* – простое переложение с французского *influence sur...* А тем не менее в языке славянском есть ведь слова *наитие, наитствование*. Да ведь и в просторечии часто говорят: на него дурь *находит*...

Словно незримая пелена легла на глаза “образованного слоя”, словно ожесточение против самих себя и своего прошедшего. Шишков рассказывает, что как-то раз он говорил с одним молодым человеком о словах *влияние* и *наитие*, и тот раздраженно ответил: “Я лучше дам себя высечь, нежели когда-нибудь соглашусь это слово употребить”... Почему мы вместо *жалкое зрелище* говорим *трогательная сцена*; вместо *перемена правления* – *переворот*?.. Должны ли слуху нашему быть дики прямые и коренные наши названия, таковые, как: *любомудрие, умоделие, багряница, вожделение, велелепие* и прочие? “Чем меньше мы их употреблять станем, тем беднее будет становиться язык наш и тем более возрастет невежество наше”.

Десятилетием позже в примечаниях к своим заметкам по “корнесловию” Александр Семёнович Шишков напишет и строки в защиту славянской азбуки: “Азбука наша (по другим наречиям – буквица) письменами или буквами своими, по порядку читаемыми, составляет некоторый полный смысл, содержащий в себе наставление тому, кто начинает их произносить, напоминая и твердя юному ученику о важности своей и пользе обучаться языку; она говорит: *аз, буки, веди, глаголь, добро, есть, живете, земля, иже, како, люди, мыслете, наш, он, покой, рцы, слово, твердо* и прочее, то есть: *я есмь нечто великое, ведай, глаголение добро есть, живете на земли и мыслите, наш это покой, рцы слово твердо* и прочее. Мы ныне вместо того, чтобы при начале обучения юношей толковать и вперять в них сие полезное наставление, приневоливаем их, отводя от начал своего языка, произносить имена букв наших по-иностранным: *а, бэ, вэ, гэ, дэ* и прочее... После сего остаётся только нам принять латинские письмена, и тогда, выкинув свои *ж, ц, ч, ш, щ, ю, я* (в их азбуках недостающие), превратим мы древнейший и богатейший язык свой (могу смело сказать, праотец всех языков) в новый скудное наречие. Тогда-то будем на нём славные писатели и знатоки своего языка!”

Что означают слова Шишкова о славянском языке как “праотце всех языков”? Надо ли понимать это буквально? В 2004 году вышла книга О. Т. Виноградова “Ведическая Русь”, содержащая ряд очевидных “перехлёстов”, но вместе с ними и ряд совершенно верных и бесспорных положений, многие из которых основаны как раз на исследованиях А. С. Шишкова. Книга была неожиданно запрещена, и нам остаётся лишь изложить то верное, что в ней есть, соответственно по интернет-изложению <http://cont.ws/post/100422/>. Автор констатирует: “Нашу историю много раз искажали; события заменяли другими, которых не было. Так поступили, захватывая власть при князе Владимире Мономахе, Петре I, при узурпации власти в 1917 г<оду> и, наконец, после криминального переворота 1991–1993 г<одов>. Но язык нельзя подделывать или изменить его данные. <...> В русском языке сохранилось множество ведических слов: *вдова, деверь, зять, тесть, брат, дочь, дед, сын, быть, бить, варить, край, кров, пить, дом, дверь, свет, дура* и др. Ведический язык или язык Ригведы оставил в нашем языке более глубокий след, чем в других арийских языках. Наличие в языке множества ведических слов указывает на его древность. Ведический язык, в отличие от санскрита, является более древним. Санскрит же является средневековым языком Индии, который произошёл от ведического языка и языков других народов, живших в Средневековье. Санскрит – это рафинированный или, говоря по-современному, “литературный” язык. Ведический же язык есть язык простого народа и назван *пракритом*. Слово “пракрит” от слова “практи”, то есть натура, природа. Санскрит от “сан” – вместе, “крит” – хорошо сделанный. Слова *бес, тиун, рот* (уста) из нашего языка, но эти слова встречаются и среди демотических (демотическое письмо – скоростная форма египетского письма с лигатурами, возникшая в VIII–VII вв. до н. э.) и иероглифических записей египтян. Эти слова встречаются и у нас, и у исчезнувших египтян потому, что в глубокой древности праегиптяне отпочковались от наших предков. Это лишь малая часть из многочисленных слов, унаследованных древними народами от наших предков”.

Тесная связь русского языка с санскритом доказана. Например, слово “вякать” – бытовое “говорить”. Но на санскрите “вяк” – говорить. Санскрит – это язык жрецов Древней Индии, которому не менее 3–5 тысяч лет. Специалисты

знают, что санскрит и русский лингвистически более схожи и близки, чем некоторые родственные славянские языки, например, “когда вас разбудить?” – “када вас будх?”; “дома были свёкр и дядя” – “дама бху свакр и дада”.

Известный индийский санскритолог Дурга Прасад Шастри писал: “Если бы меня спросили, какие бы два языка мира более всего похожи друг на друга, я ответил бы без всяких колебаний: русский и санскрит. Удивляет то, что в двух наших языках схожи структуры слова, стиль и синтаксис, добавим ещё большую схожесть правил грамматики” (<http://mc-e.ru/Nash-moguchiy-russkiy-yazik-ili-isporchenniy-sanskrit-1673.html>).

Согласно преданиям, собранным П. М. Строевым, Н. Ткани, А. С. Фаминциным, Д. О. Шеплингом, Ю. П. Миролюбовым, прарусы в глубокой древности пришли с крайнего севера, из Арктиды (Гипербореи) в VII тысячелетии до Рождества Христова. Они принесли с собой Веды в их архаическом виде. В современном языке сохранились слова древних Вед почти без изменения формы, значения и произношения. Эти слова до сих пор употребляются в быту, особенно в языке простого народа. В 1767 году в Индии была найдена санскритская рукопись. Это открытие навело на мысль о родстве славянского языка с латинским, греческим, персидским и санскритом. П. Х. Левек, И. Леванда, Х. Аделунг и другие высказали догадки о происхождении латинян, греков, германцев и славян от единого, древнего народа и возникновении их языков из единого праязыка. А. В. Джонс в 1786 году выявил родство санскрита не только с латинским и греческим, но и с готским, кельтским, древнеперсидским языками. А само название языка санскрит – с-ан-скрит то есть “(с) этим скрыт” поясняется только по-русски. Профессор восточных языков в Берлине Г. Петрашевский перевёл пять книг Зенд-Авесты и доказал, что так называемый зендский язык является исходным для санскрита и славянского.

“Говорим “славяне”, разумею “слава”, – цитирует Т. О. Виноградов Шишкова. – Говорим “слава”, разумею “слово”. Имя славян славилось за несколько веков до существования Рима, и прежде, нежели греки сделались известны между людьми <...> Русское наречие – общее, ближе всех других подходит к нему. Наречие сербское – второе между наречиями славянскими по своей чистоте”.

Впервые древнеславянский язык в качестве ключа для расшифровки древнейших надписей в 1847 году использовал польский учёный Фаддей Воланский. Его данные приводит Егор Классен в книге “Новые материалы для древнейшей истории славян дорюрикова времени” (1854). Воланский перевёл надгробную надпись из сочинения Теодора Моммзена (1817–1909) “Наречие нижней Италии”. Это надгробный памятник царю Трои Энею, чьи странствия описаны Вергилием. Вот эта надпись, сделанная почти 3000 лет назад на общем коренном славянском языке, из которого выделились польский, чешский, иллирийский и венецианский (прарусский).

Среди богов, спасённых от пожара в Трое и принесённых Энеем в Лациум, находился бог Эсмон, или Эсмений (он назывался также Ясень, Ясмень, Яшмун, Шмун).

Вим есть производное от индийского Шивы, а Дим – обоготворённый сын древнего троянского героя Дардана. Оба божества подчинены Эсменю. Лад – бог войны древних славян. Перевод по-современному будет звучать так:

*Райский всех Боже, выше Вима и Дима, Езмень ты Россия!
Возьми в опеку мой дом и детей, наилучший Езмень.
Гекаты царство далече: до долу земли выезжаю
Точно, ей, ей, так есть! Как я Еней царь родом!
Сидя с Ладом в Елисе, Леты черпнёшь и забудешь.
О! Дорогой, хороший!*

В надписи на мегальной плите Энея буквы славянские, без примеси финикийских форм. Алфавит славянский.

Полное подтверждение и развитие “теории” Шишкова находим в исследованиях выдающегося учёного, знатока славянорусских языковых древностей и истории славянства вообще, недавно странно ушедшей Светланы Васильевны Жарниковой (1945–2015).

Вопрос о соотношении ведического “Богомировоззрения” и Православно-христианского Богооткровения – тема отдельная, и мы не можем здесь и сейчас раскрывать её подробно, достаточно лишь на неё указать. Но здесь нам важно, что Шишков прямо говорит о таинственном происхождении “первозыка”. “Поистине язык наш есть некая чудная загадка, поныне ещё тёмная и не разрешённая. В каком состоянии был он до введения в Россию православной Христианской веры, мы не имеем ни малейшего о том понятия, точно как бы его не было. Ни одна книга не показывает нам онаго”.

Несомненно, что для А. С. Шишкова как для православного христианина “древний славенский” язык – это язык текстов Священного Писания безотносительно ко времени и месту создания конкретной книги или рукописи. Термин “наречие” применяется А. С. Шишковым и к так называемым “не первичным” языкам, следовательно, речь идёт о церковных языках других славянских народов (изводах старославянского языка). “Российский язык” – это современное А. С. Шишкову состояние русского языка (по собственной терминологии А. С. Шишкова, здесь был бы более уместен термин “наречие”. См.: Захарова М. В. Языковые взгляды А. С. Шишкова и их отражение в его речевой практике. Автореферат. М., 2004).

Легко видеть, что в своём понимании Священного Писания Шишков куда ближе к толкованиям “александрийской школы” и её последователей – каппадокийцев, святых Василия Великого, Григория Богослова и Григория Нисского с их “Вечным Евангелием”, чем к “антиохийско-августинскому” направлению с буквальной верой в “историю еврейского народа” и его исторических судеб, пусть даже и перешедших в церковную историю. Как мы увидим дальше, именно эти различия в двадцатые годы ещё определяют судьбу Шишкова, и не только его...

Вера в единство мира, и именно она вдохновляла Александра Семёновича Шишкова. Постичь его можно лишь через символ. Такими символами и являются шишковские “даль око”, “близь око”... Можно задавать вопрос: считал ли Шишков язык (и какой) непосредственной принадлежностью Бога, Его творением или делом именованного тварного мира человеком. У него встречаются замечания и первого рода, и второго, и третьего. Третьего, разумеется – как царское искусство не падшего, *райского человека* Адама. По-видимому, в любом случае, отвергая “просвещенческие” идеи о сугубой функциональности и случайности слов, он не был готов к окончательному выводу. Ну, а мы готовы к нему? И есть ли он вообще? Или ответ здесь возможен лишь на путях апофатического богословия?

Во всяком случае, в начале позапрошлого столетия Александр Семёнович Шишков начал разговор о том, о чём в столетии прошедшем со всею мощью заговорил Мартин Хайдеггер: о языке как Доме Бытия.

* * *

Лишь немногие встретили “Рассуждение о старом и новом слоге” с одобрением. В числе этих немногих был Гаврила Романович Державин, однако мало кто слушал его. К этому времени он тоже был в опале, от дел отошёл. Едва ли не единственным писателем того времени, понявшим и принявшим взгляды Шишкова, был молодой Сергей Тимофеевич Аксаков (1791–1859). Так начиналось литературное направление, позже не вполне удачно названное славянофильством.

“Своекоштный студент Казанского университета”, Сергей Аксаков познакомился с опальным Шишковым в 1806 году в Петербурге, а много позже, уже став известным писателем, оставил о нём воспоминания. Сохранилось и описание внешности и житейских привычек старого адмирала, сделанное Аксаковым: “Он имел средний рост, сухощавое сложение, волосы седые с желтиной; лицо у него было поразительно бледное, тёмно-карие небольшие глаза, очень живые, пронизательные, воспламеняющиеся мгновенно, выглядывали из-под нависших бровей; общее выражение физиономии казалось сухо, холодно и серьёзно, когда не было одушевлено улыбкой – самой приятной и добродушной”.

Аксаков оставил и рассказы о некоторых сторонах частной жизни адмирала. Говорили, что он иногда не узнавал собственной жены, а чужих жен принимал за свою Дарью Алексеевну. С. Т. Аксаков утверждал, что такие случаи действительно были. “Он умел жить в себе”.

Шишковы приходилось выслушивать много резкого и несправедливого. В связи с его взглядами в области языка это продолжалось даже и после его военного триумфа 1812–1813 годов. Его суждения о языке, особенно чётко выраженные в книге “Рассуждение о старом и новом слоге российского языка”, не совпадали с суждениями Карамзина и господствовавшей тогда “карамзинской школы”. Это привело к жёстким спорам двух литературных объединений: шишковской “Беседы любителей русского слова” (1811–1816) и “Арзамасским обществом безвестных людей” (“Арзамасом”, 1815–1818), в который входили В. А. Жуковский, П. А. Вяземский, Д. В. Дашков, А. И. и Н. И. Тургеневы, М. Ф. Орлов, К. Н. Батюшков, А. Ф. Воейков, В. Л. Пушкин, Д. Н. Блудов, С. С. Уваров, то есть те, кто задавал тон, и не только в литературных салонах. “Арзамасцем” числился и А. С. Пушкин.

“Арзамас” начался с того, что ещё в начале 1800-х годов Карамзин написал несколько статей, к примеру, “Отчего в России мало авторских талантов” (1802), где утверждал, что русские не умеют изложить психологические и философские тонкости в разговоре, не могут точно и ясно выразить свои переживания, тогда как на французском языке те же самые переживания они передают легко. Это частное замечание гораздо более разностороннего Николая Михайловича объединило тогда очень многих. . .

Характерно: “шишковистов” интересовала онтология – ведение бытия и устройства мира, “карамзинистов” – психология, “межличностные” отношения, “устройство” в мире. “Бытоустроительная партия”, как уже тогда и именно об этом слое общества говорил преподобный Серафим Саровский. . . .

Дальше – больше. “Арзамасцы” заговорили, что обрели новую религию, узнали и уверовали в своего неземного бога – бога Вкуса. Вкус нельзя научить – он не достаётся трудом. Человек получает вкус как небесный дар, как благодать, вкус подлечит ведению веры. Бог Вкуса действует тайно, поселяясь, как дух, в каждом “арзамасце”. Одновременно его тайное присутствие обретает плоть – *арзамасского гуся* (*goute* – ‘вкус’ и ‘гусь’; это приём “фонетической кабалы”). Бог Вкуса предлагает им отведать свою плоть. Вкусив божественной плоти, они таинственным образом избегают чар “Беседы” и спасаются. Гусиная плоть вкусна и чудодейственна. Культ бога Вкуса, как говорили сами “арзамасцы”, был поддержан Церковью, что, конечно, было фантазией.

Но об образе “гуся” надо сказать особо. Гусь – Меркурий – алхимический символ первоматерии философского камня, “то, из чего”, а также “то, что есть у каждого”, и при этом обретается только преступно, но с полной верой в бессмертие. Русские масоны ещё XVIII века (а связь “Арзамаса” с масонством была очевидна и не скрывалась) увлекались алхимией, ничего в ней не поняв. Иван Перфильевич Елагин (1725–1794) потратил на “науку камня” восемь лет жизни и, потерпев провал, от неё отказался, благоразумно обратившись под старость к Отцам Церкви. Ну, а масоны “александровские” уже интересовались более реформами – государственными и церковными. И далеко не очевидно, что Иван Перфильевич их бы одобрил.

“Причастившись плоти гуся”, можно было выступать против литературного противника. Вот тут-то они и “ошиблись адресом”! “Криптовехаристия” Жреца и Жертвы, “трансгрессия”, если употреблять выражение Жоржа Батая (1897–1962), предстала перед “арзамасцами” в виде литературной игры. К их счастью. . .

На самом деле “арзамасцы” играли с очень опасной реальностью и “вышли сухими из воды” только потому, что играли с нею бессознательно. . .

“Собеседники” же из этой воды не выходили, потому что в нее не входили.

* * *

Но “Беседа” была достаточно влиятельна, не менее, чем “Арзамас”. Гаврила Романович Державин, известный поэт Иван Иванович Дмитриев, баснописец Иван Андреевич Крылов. Были и поэты круга Шишкова, в частности, известный в то время князь А. А. Шаховской, князь С. С. Ширинский-Шихматов, граф Д. И. Хвостов, знаменитый переводчик “Илиады” Н. И. Гнедич. . .

Александр Семёнович Шишков был одним из первых русских писателей, обратившихся к народному творчеству. В своём произведении “Разговоры о словесности между двумя лицами Аз и Буки”, где он изобразил беседы с молодым С. Т. Аксаковым, он называл три пути “в хранилище стихотворства и красноречия”: “священные или духовные книги”; летописи и “народный язык”. Шишков собирал народные песни, и в этом опередил своё время, по крайней мере, на двадцать лет.

О наших предках, сложивших эти песни, он писал: “Они не говорили своим любовникам я заразился к тебе страстию, я пленил себя твоим взором, я поражён страстью твоих прелестей, ты предмет моей горячности, я тебя обожаю и прочее. Они для выражения своих чувствований не искали кудрявых слов и хитрых мыслей, но довольствовались самыми простыми и ближайшими к истине умствованиями, как например:

*Ты не вейся, не вейся, трава со ракутой,
Не свыкайся, не свыкайся, молодец с девицей,
Хорошо было свыкаться, тошно расставаться.*

И дальше:

*Красна девица промолвила:
— Ты прости, прости, мой милый друг,
Ты прости, душа, отецкий сын:
Вечеру меня помолвили,
Завтра будут поезжалые,
Повезут меня в церковь Божию:
И достануся иному, другу,
И верна буду по смерть мою.*

“Мы по нынешним временам скажем, — растолковывает Шишков, — какой холодный конец! Так, но поставим себя в те времена, когда брак для целомудренной женщины был гробом всех её сердечных наклонностей. Она жила одному только мужу, всему прочему умирала”.

Но дело шло к войне.

Ранней весной двенадцатого года император Александр Первый совершенно неожиданно призвал Александра Семёновича Шихова и, по прибытии адмирала во дворец, сказал ему:

— Я читал твоё “Рассуждение о любви к Отечеству”. Имея такие чувства, ты можешь быть ему полезен. Кажется, у нас не обойдётся без войны с французами; нужно сделать рекрутский набор. Я бы желал, чтобы ты написал о том манифест.

Но главным оказалось даже не это. Речь шла о назначении на освободившийся после ухода Сперанского пост государственного секретаря... И произошло это в одно из самых трудных для России времён.

Отечественную войну 1812 года справедливо принято считать национально-освободительной борьбой против иноземных завоевателей. В советское время её изображали как борьбу со становящимся в Европе капитализмом. Когда в конце 80-х годов прошлого столетия советская цензура ослабла, вспомнили (совершенно справедливо!) о разрушительных в отношении Церкви, религии, нравственности идеях Французской революции, наследником которых выступал сам не всегда того желавший Наполеон Бонапарт, бывший Первый консул Республики. Всё это так. Но это не всё...

Сегодня мы всё больше узнаём о более чем тысячелетнем противостоянии Короны Российской и Короны Британской, за которой всё это время сто-

яли и стоят могучие исторические силы, связанные с ветхозаветным коленом Дановым, из коего, по суждению большинства Отцов Церкви, произойдёт в последние времена “беззаконный”, антихрист. Автору этих строк довелось подробно изучать эти вопросы, результатом чего стало исследование “Виндзоры против Юриковичей” (в сб. De Aenigmatе, сост. А. И. Фурсов. М., 2014), к которому и отсылаю. Мистико-династическое противостояние двух “метародов” наложилось и на геополитическое противостояние “Суши и Моря”. Франция, в том числе наполеоновская, играла в этом противостоянии далеко не однозначную роль – и при “старом режиме”, и при Наполеоне... Да и сегодня...

Борис Башилов писал: “Александр всегда помнил об участии Англии, истратившей миллион рублей на организацию заговора против его отца. Во время встречи с Наполеоном в Тильзите Александр сказал Наполеону: “Я ненавижу Англию не меньше Вас и готов Вас поддержать во всём, что Вы предпримете против неё”. “Если так, – ответил Наполеон, – то всё может быть улажено и мир упрочен”. Но вернувшись в Россию, Александр I встретил ожесточённое сопротивление со стороны широких кругов дворянства. Произошло объединение масонов английской ориентации и англофильствующей аристократии с консервативными кругами дворянства, которые были настроены против Наполеона, потому что в их глазах он продолжал быть французским якобинцем, и потому, что прекращение торговли с Англией больно било их по карману” (Башилов. С. 37).

К этому времени Британский Королевский Дом, банкирский клан Ротшильдов и Гессенский Княжеский Дом в Германии уже фактически сплотились в единый финансово-политический союз, с одной стороны, поддерживавший в России революционные силы (в том числе и идеологически “французского” происхождения), с другой – принявший твёрдое решение “закрепиться” в Петербурге через последовательное осуществление династических браков. Этот союз окончательно утвердился битвой при Ватерлоо, почти целиком профинансированной Ротшильдами и Гессенским Домом. Что касается Франции, то она в точности, как спустя более столетия Россия – СССР, “пошла поперёк” многовековых исторических начертаний: революция породила “имперскую псевдоморфозу” (если пользоваться выражением О. Шпенглера). Да, псевдоморфозы никогда не воссоздают первоначальное, да, “французская” вообще не была прочна, но она всё же вызвала мощное противодействие сил, вызвавших революцию. Этим силам нужно было столкнуть две империи.

На них (хотя и не только) лежит ответственность за царевийские войны 1881-го и 1918 годов. Во многом – и за происходящее ныне.

А пока...

За каждые 100 000 солдат континентальных войск Великобритании платила России огромную сумму в 1 250 000 фунтов стерлингов, или 8 000 000 рублей. Она же, в свою очередь, вела активную войну против Франции и на суше, и на море, и агентами-provokatorами в Испании. Великобритания не только платила России за гибель её сынов, но и отправила по ленд-лизу (считай – даром) 150 000 ружей и военных специалистов. Англия списала все российские кредиты, в том числе огромный голландский займ в 87 000 000 гульденов! Россия импортировала из Англии: порох – за 1811–1813 годы его было ввезено 1100 тонн, свинец – только летом 1811 года англичане по особому секретному договору поставили в Россию 1000 тонн свинца после длительного перерыва подобного рода поставок из-за континентальной блокады. Этого свинца должно было хватить для ведения боевых действий шестью русскими корпусами в течение нескольких месяцев. В 1812–1814 годах Англия предоставила России субсидии на общую сумму 165 000 000 рублей, что с лихвой покрыло все военные расходы. Так, согласно отчёту министра финансов графа Канкрина, российский казна в 1812–1814 годах потратила на войну 157 000 000 рублей. Отсюда чистый “доход” 8 000 000 рублей! (<http://obozrevatel.com/blogs/69783-mifyi-rossii-otechestvennaya-vojna-1812-goda.htm>)

Многовековой враг – союзник?

И то же самое дважды было в следующем, двадцатом, веке. Не логичнее ли и естественнее был бы союз с континентальной, авторитарной Германией, чем с олигархо-демократическими англосаксонскими государствами?

Но разве, когда война уже началась, имеет значение, кто и почему союзник?

И – кто мог бы таковым быть, если бы...

И нужна ли война и, если нужна, то кому?

Когда она начинается, всё это уже не имеет значения, а если для кого-то имеет, этот кто-то, хочет он сам того или нет, становится врагом своего Отечества.

* * *

Что касается уже почти всемогущего в то время русского масонства, то оно как бы разделилось. Те, кто ориентировался на Англию, всячески старались толкнуть Александра I на войну с Наполеоном... План английского масонства заключался в следующем: сначала столкнуть Наполеона с Россией и добиться поражения или ослабления Наполеона, а затем обратить усилия на уничтожение монархии в России. Для части же русских масонов и революционно настроенной части русского дворянства Наполеон оставался носителем “прогрессивных идей” французской революции, и они хотели, чтобы Наполеон освободил Россию от “ига монархической власти”.

С самого начала войны — и ещё до неё — много для разоблачения тогдашней “пятой колонны”, кроме Шишкова и вместе с ним, сделал московский генерал-губернатор граф Фёдор Васильевич Ростопчин (1763–1826). Он писал: “Московские и петербургские масоны поставили себе целью произвести революцию, чтобы играть в ней видную роль, подобно негодьям, которые погубили Францию и поплатились собственной жизнью за возбуждение ими смуты”. “Я не знаю, — пишет Ростопчин, — какие сношения они могут иметь с другими странами, но я уверен, что Наполеон, который всё направляет к достижению своих целей, покровительствует им и как-нибудь найдёт сильную опору в этом обществе, столь же достойном презрения, сколько опасном”.

“Граф Ростопчин, губернатор Москвы, — рассказывает Борис Башилов, — так же несправедливо оклеветанный историками, как и граф Аракчеев, совершенно верно охарактеризовал создавшуюся политическую ситуацию, когда писал: “Трудно найти в России половину Пожарского, но целые сотни есть готовых идти по стопам Робеспьера и Сантера”. “Их подозревают, но боятся ещё называть”, — писала вдова князя Н. П. Голенищева-Кутузова, писательница Варвара Ивановна Бакунина.

Старая болезнь, прорвавшаяся затем в феврале 1917-го, августе 1991-го... В чём причина её? Смотреть придётся в глубину столетий, а возможно, и тысячелетий.

Так или иначе: “Русские якобинцы ждали Наполеона как силу, которая сломит остатки самодержавной власти Александра I и утвердит конституционный образ правления, о котором русская аристократия не переставала мечтать со времени смерти Петра I. Русские масоны и “прогрессивно” мыслящие военные ещё во время нашествия Наполеона готовы были изменить Русскому Царю, как это они сделали спустя сто лет в 1917 году во время войны с Германией” (Б. Башилов).

И всё же мы должны помнить: помимо “английской” и “французской” “партий” при дворе, да и вообще внутри правящего слоя, была и “русская партия. При Александре I “душой русской партии” был граф Алексей Андреевич Аракчеев (1769–1834). В депеше французского посла графа Лафферона от 1 октября 1823 года рассказывалось о том, что император Александр I мало верил окружавшим его людям, как и его отец. Полностью он доверял одному только Аракчееву. Он знал, что тот не предаст его в трудную минуту. На гербе графа Аракчеева было начертано: “Без лести предан”. Борис Башилов продолжает: “Всё его мирозерцание, все черты его характера — всё было чуждо представителям русской интеллигенции. <...> Преданность Аракчеева Александру I вызывала бешенство в “прогрессивно” настроенных кругах дворянства. Аракчеев мешал и масонам, и дворянам в их работе по развалу монархического строя”.

А чем дальше, тем больше к “русской партии” примыкают уже многие — и, конечно, Пушкин, и — пусть с оговорками — сам Николай Михайлович Карамзин...

Но это ещё только будет.

Вернувшись домой от государя, Александр Семёнович затеплил лампы и сел писать:

“...видя его никакими средствами не преклонным к миру, не остаётся Нам ничего иного, как, призвав на помощь Свидетеля и Защитника правды, Всемогущего Творца небес, поставить силы Наши противу сил неприятельских. Не нужно Мне напоминать вождям, полководцам и воинам нашим об их долге и храбрости. В них издревле течёт громкая победами кровь Славян. Воины! Вы защищаете Веру, Отечество и свободу. Я с вами. На зачинающего Бог.

В Вильне. Июня 13. 1812

на подлиннике написано: Александр”.

Всё пошло так, как оно должно было пойти... 30 июня, преследуемые силами всей Европы, достигли русские части Двины. Это было началом отступления.

Одним из самых важных государственных решений, принятых под влиянием государственного секретаря Шишкова, стало решение о возвращении ставки в столицу.

При этом надо сказать, что в беседах с императором Шишков вообще возражал против плана отступления. В своих “Домашних записках” он обосновывал своё мнение так: “Наполеон собрал свою армию на границу уже в апреле, а напал только в июне, видя, сколь подготовлены были русские войска на границе. Но мы стремительно отступали к Смоленску, пытаясь соединиться с армией Багратиона и не имея возможности это сделать — французские армии, вклинившись посредине, рвались вперёд. Уже где-то на западе, под Вильной, надо было давать сражение”.

Было, правда, и иное мнение. Ещё в 1807 году Барклай-де-Толли говорил известному историку Нибуру, что, если бы ему пришлось быть во время русско-французской войны главнокомандующим, он бы завлёл французскую армию к Волге и только там дал генеральное сражение. Когда Барклай-де-Толли оказался главнокомандующим, он так и решил поступать: дождавшись соединения русских армий, повёл их к Москве.

Несмотря на это, лицам “французской ориентации” необходимо было во что бы то ни стало удалить Барклая. Дело было в том, что “немец” (на самом деле — шотландец) Барклай примыкал к... “русской партии”, возглавляемой Аракчеевым. Барклая необходимо было оклеветать и добиться его удаления с поста главнокомандующего, и поставить “своего”. Этого удалось добиться. Барклай был смещён, и на его место назначен Кутузов (масон высоких степеней, участник заговора против императора Павла). Единственного целесообразного плана ведения войны с Наполеоном, то есть заманивания армии Наполеона вглубь России, сохранения боевой силы русской армии и энергичного преследования разложившейся армии Наполеона сохранённой русской армией, Кутузов не выполнил. Ни первую часть плана — отступление с целью сохранения боевой силы, ни вторую часть — активное преследование Наполеона. Увы, это так.

“Бородинское сражение, — утверждает А. А. Керсновский в “Истории русской армии” (Белград, 1933–1939), — оказалось преждевременным. С ним поторопились на два месяца. Его следовало дать не в конце августа, а в конце октября, когда французская армия была бы в достаточной степени подточена изнутри. Имей Кутузов тогда в строю те десятки тысяч, что погибли бесцельно в Бородинском бою, будь жив Багратион, генеральное сражение было бы дано где-нибудь под Вязьмой, и тогда не ушёл бы ни один француз, а Наполеон отдал бы свою шпагу Платову...” (Ч. I. С. 233).

Не будучи специалистом в области сухопутной войны, Шишков мог в ряде вопросов и ошибаться. Но в главном — победу он вменял не человеку, но Богу — он был прав. “Может быть, некоторые читатели, извиняя тогдашние чувства мои, — писал он позже, в 1828 году, — скажут, однако ж, что я с излишеством вооружался против плана отступления, что последовавшие события оправдали опыт. <...> Нет! не человеческий ум предузнал и расчислил сии последствия, но десница Божия и гордые врагов наших мечты и наши более для них, нежели

для нас, выгодные предначертания, превратила им в пагубу, а нам во спасение. Но всю сию войну она многократно являлась, творя сии чудеса, и надпись на медали справедливо гласит: “Не нам, не нам, но Имени Твоему”.

Ну что же, оставим этот спор звучащим на единственно верной ноте.

В Москве оставался граф Ростопчин. Человек, какому только охаиванию не подвергавшийся “передовой общественностью”, а затем и “русской литературой”. Осмеивали его так называемые “афишки” — листовки, — порицали сначала за “утопическую идею” создать из жителей Москвы ополчение, а затем — за “решение сжечь Москву” (было ли это “решением”, неизвестно до сих пор).

“Но никто из современников, — пишет Б. Башилов, — не желает установить связь между “непоследовательностью” Ростопчина и непоследовательностью Кутузова. Что должен был делать Ростопчин, если Кутузов сообщил ему, что он будет защищать Москву? Как главнокомандующий Москвы, он должен был помочь Кутузову в этом намерении даже в том случае, если бы считал это решение и ошибочным. Так Ростопчин и поступил. Он довёл до сведения населения намерение Кутузова защищать Москву и призывал его создать народное ополчение”.

А из самой оставленной Москвы приходили вести разноречивые. Пешком и на подводах добрался до Петербурга за несколько дней из горячей первопрестольной столицы тамошний житель. Военный губернатор Санкт-Петербурга генерал С. К. Вязмитинов задержал его и отдал под стражу, чтобы не было тревожащих население слухов. О рассказах беглого был поставлен в известность государственный секретарь, который написал обо всем подробную записку Александру Первому.

О московском пожаре, погроме Кремля и кремлевских святынь Шишков пишет, что неприятель “предаётся всей своей ярости и в последний раз силится излить оную подорванием Кремля и храмов Божиих. Кто после этого усумнится, чтоб он, если бы то в возможности его состояло, не подорвал бы всю Россию и, может быть, всю землю, не исключая и самой Франции”.

Что же делать теперь российскому дворянству и всему народу русскому? Шишков считает, что первое, пусть малое дело, от которого и дальше пойдёт возрождение народного духа, — это ограничить мнимые потребности. Идея вольности, овладевшая французами, делает людей необузданными в стяжании и разврате, научает не ставить человеческую жизнь ни во что. Сколько россиян уже стали рабами этой идеи? Начало выздоровления — самоограничение. Так считает Шишков, ведь “лишение богатств поправится умеренностью роскоши, вознаградится трудолюбием и сторицею со временем умножится; но повреждение нравов, зараза неверия и злочестия погубили бы нас невозвратно”.

А годом позже, в 1813 году, Шишков написал своему другу Я. И. Бардовскому: “Я почти стал в 1804 году о сём говорить смело, и Вы помните, как господа “Вестники” и “Меркурии” против меня восстали <...> Они упрекали меня, что я хочу ниспровергнуть просвещение и всех обратить в невежество, что я иду против Петра, Екатерины, Александра и проч.; тогда могли они так влиять, надеясь на великое число заражённых сим духом, и тогда должен я был поневоле воздерживаться; но теперь я бы ткнул их носом в пепел Москвы и громко им сказал: “Вот чего вы хотели!”.

* * *

В декабре в Вильну прибыл император Александр I, который после совещаний с генералами принял решение двигаться дальше до полного освобождения Европы от наполеоновского ига. Сразу же было объявлено о том, что цель европейского похода — не завоевание для России новых земель, но лишь поражение Наполеона Бонапарта и возвращение Европы в прежнее состояние, “достижение желанной и прочной тишины”.

Цели взятия Парижа были объявлены в “Приказе по Российским войскам”, составленном и написанном Шишковым. Не разрушать шла русская армия и не мстить, но лишь избавить Европу от поработителя. Избавить и уйти обратно, в русские границы, не захватив ни пяди чужой земли. Об этом прямо говорилось в “Приказе”: “Да водворится на всём шаре земном спокойствие и тиши-

на! Да будет каждое царство под единою собственною правительством своего властью и законами благополучно! Да процветают в каждой земле, ко всеобщему благоденствию народов, вера, язык, науки, художества и торговля! Сие есть намерение наше, а не продолжение брани и разорения. . . ”

Именно в свете этих представлений должно понимать “Послание к Французам”, написанное Шишковым при входе русских войск в Париж. Простые французы – такова мысль послания – нисколько не виноваты во всём, что произошло. Они сами жертвы тех хозяев, которые по своей воле распорядились их судьбами. Виновники случившегося, по словам Шишкова, “отпавшие от веры и благочестия остроумные, но злочестивые писатели”. Наполеон Бонапарт также называется в “Послании” чужеземцем, пришельцем, корсиканским гражданином.

К удивлению Шишкова, да и не только его, послание это опубликовано не было, но Александр Семёнович был убеждён, что, если бы его решились напечатать, оно произвело бы действие на армию Наполеона и, возможно, не было бы тогда ни успеха корсиканца при бегстве с острова Эльба, ни Ватерлоо. Почему так часто происходит подобное? Слова в защиту Отечества, его устоев, государственности не находят поддержки у тех, кто, кажется, обязан её оказывать, а вот всевозможное “чужебесие” под видом “просвещения” имеет шумный успех и поддержку? Кто делает всё это?

А самое главное: всё это происходит стихийно или вызвано к жизни и устроено заранее? Почему власть так часто возносит тех, кто её разрушает, и низводит тех, кто защищает? Ещё не раз придёт Александру Семёновичу искать ответ на этот вопрос, находить и снова терять.

И нам сегодня тоже.

* * *

А пока шёл 1816 год. Русские солдаты, офицеры и генералы возвращались на родину из освобождённого Парижа, из восстановленной в прежних границах Европы. Среди них был и Александр Семёнович Шишков, думы которого, как теперь казалось ему, найдут отзыв. Но всё снова оказалось не так просто. Между императором и государственным секретарём вновь вспыхнули разногласия. На этот раз – когда в Государственном совете обсуждался проект Гражданского уложения, к которому император был в то время очень привязан. Большинство глав этого проекта было написано Сперанским. В целом проект почти дословно повторял “Кодекс Наполеона”.

Шишков считал, что выражение *гражданские права* неточно. Французское слово *civil*, от которого мы взяли слово *гражданский*, произошло от латинского слова *civitas*, которое имеет два значения – *город* и *общество*, *сообщество*. Для обозначения города в латинском языке имелось слово *urbs*. Поэтому *jus civile* – это право *сообщества*. Возвращая словам их первоначальный смысл, мы видим, что выражение *гражданские права* относится лишь к жителям городов. Получается, что лишь *горожанин* (по-французски – *bourgeois* – буржуа) обладает правами, остальные люди – нет. “Слово *civitas*, – отмечал Шишков в своей записке Александру, – влечёт мысль свою от понятия *жить вместе*, а не от понятия *городить*, а потому для выражения его надлежит и в своём языке от подобного же понятия оное произвести. Наши слова, означающие всю вообще российскую область, суть: *Россия, государство, отечество, общество, народ, держава* и прочие. Итак, от сих или подобных слов (а не от слова *город*) должно произвести то, что соответствовало бы иностранному слову *civil*. Скажем, *государственные* или *общественные*, или *народные права*. Всякое из сих слов будет приличнее и сходственнее с разумом, нежели *гражданские права*”.

На самом деле легко видеть, что предмет спора не исчез и сегодня. Над нами до сих пор довлеют “юридические миражи современности”, как называл их позже К. П. Победоносцев, – “гражданское общество”, “права человека и гражданина”. На этих миражах и мнимостях основаны все “правовые реформы” последних десятилетий. И где мы с ними?

Шишков был уволен с поста государственного секретаря и стал рядовым членом Государственного совета. Но он упрямо держался своего. Вопреки господствующим правилам работы Государственного совета, Шишков часто распространял своё “особое мнение” в рукописи.

После ухода от дел Александр Семёнович снова обратился к научным занятиям. Избранный президентом Российской академии в 1813 году за труды в области языка, он, как это ни странно для некоторых, стал одним из самых последовательных в нашей истории поборников того, что сегодня называют “академическими свободами”.

Независимость Российской академии — вот к чему стремился Шишков. Поэтому в штат Академии (так называлось тогда её руководство) он не включил Разумовского — тогдашнего министра просвещения. Опеки над отечественной наукой быть не должно, к ней нужно относиться так же, как к вольному художеству, — так считал бывший государственный секретарь, адмирал, царедворец. Не должно в ней быть места и личным обидам, счётам.

Все помнили разногласия между Шишковым и Карамзиным. Но начала выходить “История государства Российского” Карамзина, и она стала... любимой книгой Александра Семёновича Шишкова. В 1816 году Шишков и Карамзин встретились в приёмной великой княгини Екатерины Павловны. “Я беседовал с Шишковым около часа весьма искренне, чистосердечно”, — писал Карамзин жене. Шишков тоже почувствовал к Карамзину доверие. А потом всю жизнь Карамзин говорил о “голубином незлобии” “доброту Шишкова”, о том, что неприязнь последнего относится лишь к идеям и делам, но никогда — к людям.

10 июля 1818 года сам Шишков предложил избрать Николая Михайловича Карамзина членом Российской академии. Избрание прошло единогласно. “Благодаря “Истории” Карамзина, — писал В. Стоюнин, — состоялось публичное примирение двух противников”.

На переломе десятых и двадцатых годов Шишкову было уже за шестьдесят. Но именно теперь начинается для него ещё один и, быть может, самый серьёзный этап противостояния всё тем же силам, против которых он оказался поставленным судьбой.

Речь идёт о многоэтапной и многосложной истории так называемого Российского Библейского общества. Известный историк А. Н. Пыпин писал: “Русское Библейское общество, по своей основной мысли, нисколько не было русское и даже своим первым учреждением на нашей почве не было обязано русской инициативе. Но эта чужая инициатива нашла, однако, себе опору в условиях русской жизни... Вступивши в эту сферу, оно имело потом обширный успех, в короткое время раскинулось по всей России, европейской и азиатской, имело множество членов и филиальных учреждений, собирало большие пожертвования, делало массу изданий... Кончилось оно так же негаданно, как и началось”.

Российское Библейское общество организационно возникло как часть Британского Библейского общества, образованного в 1804 году, вслед за которым Библейские общества “вспыхнули” по всей Европе. Задачей их был объявлен перевод Священного Писания на современные языки и его распространение. В России ещё до войны особую активность в этой области проявлял М. М. Сперанский, который рассматривал это как часть “масонских работ”. Известны записи Гауеншильда, служившего при нём в Комиссии законов. “Предполагалось, — пишет он, — основать масонскую ложу с филиальными ложами по всей Российской империи, в которую были обязаны (выделено мною. — В. К.) поступать наиболее способные из духовных лиц всех состояний”. Гауеншильд вспоминал и о том, что Сперанский при первом же свидании с ним заговорил о “преобразовании русского духовенства”.

Всякому православному человеку хорошо известно, что Писание может выступать как вероучительный источник только вместе со Священным Преданием, и само, в соответствии со святоотеческим учением, прежде всего, “каппадокийской школы” свв. Василия Великого, Григория Богослова, Григория Нисского имеет три уровня истолкования: исторический, нравственный и “анагогический”, или символический, при котором события Священной истории уже не имеют отношения к бывшей (или не бывшей) истории еврейского народа. Поэтому духовная жизнь есть также и “обрезание писаний”. В осо-

ности это касается Ветхого Завета, где православно осмыслять историческую сторону можно лишь как предуготовление к пришествию Иисуса Христа, а аскетически – как историю падений и взлётов грешной души. Канон покаянный святого Андрея Критского, читаемый на первой седмице Великого поста, в данном случае наилучший пример.

* * *

Русское масонство на какое-то время чуть было не встало вообще на место Церкви, по крайней мере, для высших слоёв общества. Это было следствием прошлых событий. История России конца XVII–XVIII столетий – это история соединения политических успехов и духовного падения, вызванного произволом Патриарха Никона и царя Алексея Михайловича в отношении Православной традиции. Русский народ, по сути, оказался разделённым на две части, а лучшие люди уходили в леса и скиты, на дальние “украины” Русской земли. Старообрядчество начинает свою самостоятельную историю. Внутри же господствующей Греко-Российской Церкви самостоятельную возрождение Православной традиции начинается только в конце восемнадцатого столетия – ну, и далее, весь век девятнадцатый. Получает распространение старчество, народ стекается к кельям преподобного Серафима Саровского, Оптинских старцев, развивается творчество (на основе святоотеческой традиции) таких церковных писателей, как епископы Игнатий Брянчанинов и Феофан Затворник. Никакие “переводы Библии” здесь помочь не могли, они только уводили в сторону. Об этом честно и ясно написал один из первых “славянофилов” – И. В. Киреевский – в “Записке о направлении первоначального образования народа в России”: “Наше богослужение заключает в себе полное и подробное изложение не только тех догматов, которые преподаются в школе, но даже почти всех тех вопросов, которые вообще могут тревожить любознательность ума просвещённого. Следовательно, если бы народ наш, ходя в церкви, понимал службу, то ему не нужно бы было учение катехизиса; напротив, он знал бы несравненно более, чем сколько можно узнать из катехизиса, и каждую истину веры узнавал бы не памятно, но молитвою, просвещая вместе и разум, и сердце. Но для этого недостаёт нашему народу одного: познания словенского языка. <...> Само собою разумеется, что с изучением словенского языка должно соединиться изустное толкование молитв, Нового Завета, Псалтири и, возможно, краткое объяснение литургии. Ибо не незнание веры желательно для народа; напротив, желательно только, чтобы способ узнавания развивал в нём чувство вместе с понятием. Школа должна быть не заменою, но необходимым преддверием Церкви”.

Ну, а Библейское общество – если называть вещи своими именами – подменяло православную литургию историей “избранного народа” – бывшей или не бывшей.

Состав руководства Обществом, как мы бы сегодня сказали, был “экуменическим”. Со стороны духовенства в него входили митрополиты Филарет, Серафим, Михаил, а также представители католического духовенства и протестантские пастыри, с другой – известные государственные деятели внешне-самых разных направлений. Президентом его был назначен князь А. Н. Голицын, который вскоре стал министром просвещения и духовных дел.

Да, нужно признать: знаменитый Митрополит Московский Филарет (Дроздов, 1782–1783), один из известнейших подвижников благочестия XIX столетия, был сторонником “Библейского проекта” и оставался им всю жизнь. Именно его собственный труд лежит в основе Синодального перевода Библии, используемого до сих пор. И – да, надо признать: в десятки годы он принимал активное участие в “масонских работах”, состоял членом, по крайней мере, двух (или трёх) лож, в частности, ложи “Умирающего Сфинкса”. В списке членов ложи его фамилия стоит под № 32 (ОР ОГБ, ф. 439, карт. 24, ед. хр. 5, л. 13. Подробнее см.: Сушков, “Записки о жизни Филарета”, М., 1868; П. Бартенев. “Русский архив”, 1906. Т. 9. С. 93).

Значительно позже, в 1856 году Митрополит Филарет вынесет масонству свой пастырский приговор и в одной из своих речей скажет: “Чтобы уяснить истину, – не вдадимся в область умозрений и состязаний, в которой некоторые люди, не знаю, более ли других обладающие мудростью, но, конечно, более других доверяющие своей мудрости, работают над изображением и по-

становлением лучших, по их мнению, начал для образования и преобразования человеческих обществ. Уже более полувека образованнейшая часть рода человеческого по летам, по временам видит их преобразовательные усилия в самом действии; но ещё нигде, никогда не создавали они “тихого и безмолвного жития”. Они умеют потрясать древние здания государств, но не умеют создавать ничего твёрдого. Внезапно по их чертежам строятся новые правительства и так же внезапно рушатся. Они тяготеют к отеческою и разумною властью царя и сводят слепую и жестокою властью людей, уверяя, будто ведут их к свободе, а в самом деле ведут их от законной свободы к своеволию, чтобы потом низвергнуть в угнетение”.

Впрочем, будем помнить: бывших масонов, как и бывших разведчиков, не бывает.

Как относиться к масонской стороне жизни Святителя с учётом его прославления Русской Православной Церковью? Что же, среди прославленных святых есть и такие, чья политическая и историческая позиция была далеко не всегда полезна государству Российскойскому. Например, преподобный Максим Грек с его не разорванными связями с Венецией, бескомпромиссным отношением к Царскому браку и престолонаследию, он же — на самом деле это и было причиной его заточения — сознательно переводил в книгах глаголы из церковно-славянского аориста в латинизированный перфект ради “синхронизации” Русского времени и времени Запада — то же, что потом делал Никон. Вообще здесь много содержится тайн. Святость — не политическая, даже не историческая категория, а энергичная. Мы порой не знаем, почему некто *свят* у Бога.

Ну, а рассматривая исторический эпизод под названием “Филарет и масонство”, будем исходить из итоговой позиции Святителя, выраженной в его речи 1856 года. Это его официальная позиция. Это официальная позиция Русской Церкви.

Но вернёмся к Библейскому обществу. По уставу оно должно было быть всеконфессиональным, чтобы все “конфессии” были в нём представлены как “равно владеющие” святыней Слова Божия. Веротерпимость и всеконфессиональность, однако, чаще всего оборачивались антиправославием. Во многих книгах можно было прочесть и о “тьме нелепостей и суеверий, называемых Греко-Кафолическим Восточным исповеданием”, которую подобает разогнать “светом Божественной книги”.

Сперанский в своей статье, напечатанной в сборнике “Христианское чтение”, утверждал, что должен вновь прийти иудейский Мессия, что ветхозаветные пророчества говорят о ещё не наступивших временах и об этом Мессии (“Машиахе”), а Христос якобы “унизил” эти пророчества. Тем самым средоточием Писания оказывалось не Евангелие, а именно Ветхий Завет, а миссия Христа тем самым сводилась на нет. “Читающий да уразумеет” — так оканчивалась статья.

Тот же Сперанский добился того, что Синод стал лишь частью так называемого Департамента духовных дел на правах “департамента греко-российского исповедания” наряду с департаментами по делам католиков, лютеран, магометан и иудеев. Во главе департамента был поставлен А. Н. Голицын.

Человек, бесспорно, лично одарённый, князь А. Н. Голицын (1773–1844) был, по выражению отца Георгия Флоровского, “всё самый характерный человек эпохи, самый отзывчивый и выразительный, во всяком случае... Человек доверчивого и впечатлительного сердца, Голицын умел и хотел быть диктатором”. Как министр духовных дел и народного просвещения, он установил жесточайшую цензуру. Несомненно было одно: прежние либеральные проекты “негласного комитета” и Сперанского, с одной стороны, и деятельность Голицына — с другой, направлялись одними и теми же силами.

Александр Семёнович Шишков, будучи президентом Российской академии, внимательно и пристально наблюдал за деятельностью Библейского общества. Особенно раздражало его, как и многих, двуличие Голицына, Магницкого, Лабзина и других масонских деятелей. Одной рукой они насаждали в России самые бредовые иноземные идеи, а другой душили русскую науку, университеты, словесность. “Главнейшие деятели, дававшие тон и направление в министерстве и цензуре, — кн. Голицын, Магницкий, Рунич, Лабзин и проч., — писал А. Н. Пыпин, — были именно таковы... Время с 1819 года (или ещё раньше) и до 1824 года — высший пункт развития Библейских обществ, было и временем несноснейшей цензуры в царствование императора Александра. Не только Пушкин приходил от неё в отчаяние, но и совсем уме-

ленные писатели, как Жуковский, кн. Вяземский, Дмитриев, Карамзин, сам А. И. Тургенев (масон и сам деятельный член Библейского общества. — В. К.), находили, что литература становится невозможна”. Казалось, кто-то нарочно делает “чем хуже, тем лучше”.

В противостояние вступает Шишков. Смушала его и сама по себе мысль о переводе Священного Писания на современный язык. По выражению Свербеева, идея Библейского общества была для Шишкова, кроме всего прочего, ещё и “литературной ересью”, поскольку главной его идеей всегда было то, что славянский язык и есть русский. Об отношении Шишкова к славянскому языку Священного Писания мы уже говорили. Кроме того, его пугало то, что сперва было издано Пятикнижие “отдельно от книг пророческих”. Издание последних было обещано на более позднее время, и Пятикнижие быстро распространилось в народе. “Шишков догадывался, — пишет по этому поводу А. Н. Пыпин, — не с тем ли это задумано и сделано, чтобы подтолкнуть простой народ к соращению в ересь молоканскую или просто в иудейство”. В пользу такого суждения явно говорит следующее. Славянский перевод Ветхого Завета был выполнен с греческого перевода семидесяти толковников (Септуагинты), сделанного ещё до Рождества Христова в Александрии. Кроме этого, наиболее древнего текста, существует ещё так называемый масоретский текст, обработанный уже раввинами в III–VII веках. Экземпляры же древнего текста, с которого была сделана Септуагинта, не сохранились (“разброс гипотез” здесь весьма широк — от уничтожения до того, что прежде не было вообще ничего, и первым текстом была именно Септуагинта). В масоретском тексте оказались “подправлены” все те места, в которых прообразовательно говорится об Иисусе Христе и Божией Матери. Под видом приближения к подлиннику переводы Библейского общества делались по еврейскому, то есть именно по масоретскому тексту.

Довольно часто Шишков выражается так, точно именно славянский язык был оригинальным языком Священного Писания: “Как же дерзнуть на перемену слов, почитаемых исшедшими из уст Божиих...” С точки зрения “школьного богословия” это, конечно, не так. Но вспомним: Шишков был своего рода “протосимволистом”. А выводы делал, строго соответствующие учению Церкви: “При сём необузданном и, можно сказать, всеобщем наводнении книгами Священного Писания где найдут место правила апостольские, творения святых отцов, деяния святых соборов, — одним словом, всё, что служило оплотом Православию? Всякий делается сам себе толкователем Библии и, образовав веру свою по собственным понятиям и страстям, отторгнется от союза с Церковью”. И далее — совершенно прямо: “Чтение Священных книг состоит в том, чтобы истребить Православие!” (Записки адмирала Шишкова. “Чтение общества истории и древностей Российских при Московском университете”. М., 1868. Кн. 3. С. 65).

Конечно, не он один думал так. После смерти митрополита Михаила в 1821 году Петербургским митрополитом был назначен митрополит московский Серафим (Глаголевский, 1757–1843). Неожиданно он начинает борьбу против “Библейского общества”, а его помощником становится известный архимандрит Фотий (Спасский, 1792–1838), один из самых ярких (и, естественно, оклеветанных) ревнителей чистоты Православной веры в России. Чего только не понаписали о нём... И всё оказалось клеветой. Сам князь А. И. Голицын в письме к княгине Орловой называет Фотия “человеком необычайным”, но когда попытка Голицына приручить Фотия не удалась, он “изменяет” о нём своё мнение: Фотий “становится” “чёрной силой”.

Неоднократно Фотий пытался вразумить Голицына лично. И вот чем это часто кончалось. Однажды, когда Фотий пришёл к Голицыну, он заперся с ним в своём кабинете. Через некоторое время князь, выскочив с искажённым судорогами лицом и бегая по лестницам, кричал: “Оставь меня, не хочу твоей правды!”

“Восстание” вспыхнуло в 1824 году. Предлогом и поводом к решительным действиям был взят русский перевод книги Госнера “О Евангелии от Матфея”. Под давлением Серафима, Фотия и других представителей духовенства книга была передана на рассмотрение Шишкову как президенту Российской академии. Шишков знал, что рисковал всем, — масоны мстили жестоко и наверняка, и немало людей, столкнувшихся с ними, погибало загадочною смертью, — но остался верен своему обычаю: говорить только то, что думал. 20 мая 1824 года он читал свой отзыв о книге Госнера в кабинете министров.

Решение императора было принято. В этот же день был дан рескрипт о высылке Госнера за границу и о сожжении русского перевода его книги рукою палача, с тем чтобы переводчики и цензоры были преданы суду. 15 мая 1824 года Голицын был уволен, а “сугубое министерство” упразднено. Несмотря на то, что ранее, впрочем, уже были запрещены все масонские ложи и тайные общества на территории Российской империи.

В 1824 году Шишков был назначен министром просвещения и духовных дел. Низложение Голицына стало началом конца Библейского общества. А Шишкова совершенно неожиданно приветствовало молодое литературное поколение. А. Н. Пыпин писал: “Те, кто когда-то насмехался над Шишковым, — молодая литература “Арзамаса”, “Полярной звезды”, пушкинского круга, — вздохнули свободно. Пушкин писал из Одессы:

*Обдумав, наконец, намеренья благие,
Министра честного наш добрый царь избрал...*

И в черновике он сделал примечание: “Так арзамасец говорит ныне о дяде Шишкове”.

* * *

25 ноября 1825 года было объявлено о кончине в Таганроге императора Александра I, а 14 декабря вспыхнуло восстание на Сенатской площади. Александр Семёнович Шишков, не разделявший идей декабристов, в отличие от многих царедворцев, не обвинял лично их. Он просил об их помиловании. Почему? Возможно, потому, что знал о том, кто на самом деле безнаказанно стоит за происходящим разрушением.

В 1828 году он уходит в отставку. К тому времени здоровье его ослабло и, прежде всего, это касалось зрения. Шишков остался президентом Российской академии и членом Государственного совета, но уже не мог даже научным своим занятиям отдавать всё время.

К тому времени скончалась жена его Дарья Алексеевна, и старик Шишков, сам говоря, что нуждается в няньке, женился вторично. Несколько раз в тридцатые годы приезжал он в Москву лечиться минеральными водами. В Москве в 1833 году С. Т. Аксаков представил Шишкову Юрия Ивановича Венелина, автора книги “Древние и нынешние болгары”. Карпатский русин по происхождению (его подлинная фамилия Гуца), Венелин был одним из первых противников “норманнской теории” происхождения Русского государства, поборником общеславянского единства и одарённым учёным, которого высоко ценил А. С. Пушкин. Одной из поразительных для того времени догадок Венелина была идея о том, что изначальные для Европы, а затем свергнутые королевские династии, начиная с Меровингов, имели славянское происхождение. Шишков восторженно встретил многие идеи Венелина. По его предложению Российская академия направила молодого учёного в Болгарию и выделила ему три тысячи рублей на путевые расходы.

Но даже поездки Шишкова в Москву были очень редки. Тридцатые годы он провёл, в основном, в Петербурге, окружённый членами Академии и семьёй, и почти не выходил из дома. К 1839 году старик уже совсем ослеп. Любимым его занятием было по-прежнему кормление птиц, которым он выставлял корм на тарелке через форточку, которую открывал на ощупь.

По воспоминаниям С. Т. Аксакова, как-то на исходе 1840 года коляска государя Николая I проезжала мимо дома Александра Семёновича, находившегося уже “в летаргическом сне”. Вбежал камердинер и сказал довольно тихо, что государь остановился у ворот и прислал спросить о здоровье хозяина. К общему изумлению, почти испугу, в ту же минуту Шишков открыл глаза и довольно твёрдым голосом сказал: “Благодарю государя! Скажи ему, что мне лучше”, — и впал в прежнее бесчувствие, продолжавшееся две недели. Прожил он 86 лет.

В последние годы своей жизни Шишков приводил в порядок свои записи разных лет. Аксаков свидетельствует, что среди них были целые рукописные книги, и в них содержались какие-то предсказания о будущих неустойчивых и о “безвыходной” судьбе Европы. Что именно содержалось в записях Шишкова, он не говорит, но лишь добавляет: “Увы! Все исполнилось и исполняется с поразительной верностью”.

И мы это сегодня видим воочию.